

Наталья Юрьевна Казьмина
1956–2011

ПАМЯТИ НАТАШИ КАЗЬМИНОЙ

Валерий ФОКИН

*Художественный руководитель
Александринского театра (Санкт-
Петербург), президент Центра
им. Вс. Мейерхольда, народный артист
России*

ИСТОНЧЕНИЕ СРЕДЫ

В цехе театральной критики случилась невосполнимая потеря не стало Наташи Казьминой. Мне кажется, что с ее уходом сразу ощутилось «редение» в рядах. Какая-то пустота вдруг образовалась. Может быть, кому-то казалось, что не должно было бы образоваться пустоты в такой степени, а на самом деле это случилось, – лично я это чувствую. Ведь в критике сейчас одни замотивированны только на себе и на своих интересах, а с другой стороны – почти никого и нет – осталось буквально два-три человека. Я имею в виду, прежде всего, тех, у кого присутствует аналитический взгляд относительно театра, тех, у кого сохранилась способность серьезно размышлять; тех, кто не подвержен утверждению самого себя по разным поводам – кураторским ли, арт-директорским ли, таким-сяким. Говорю о тех, кто способен проанализировать спектакль, попытаться объемно его разобрать, и в результате выйти на сущностный разговор о тех или иных перспективах для режиссера или для театра, – вот таких людей, увы, сегодня немного в критике. Совсем немного.

Критика, в общем и целом, по ряду причин потеряла свое назначение. Наташа была исключением, принадлежала той малой группе людей, которые серьезно относились к театру. Она не просто владела профессией. Наташа любила театр за то, что он дает возможность погрузиться в серьезное. Размышления о спектакле форсировали ее к описанию подлинного чувства, а не к желанию утвердиться за счет сценического искусства. Она могла в чем-то заблуждаться, что вполне естественно, но в критике

Наташа не лукавила, а стремилась к честно-му выражению своей мысли, своего чувства. Поскольку этот уход недавний – еще такой больной, то первое мое ощущение – боль утраты и образовавшаяся пустота.

Что могу сказать еще? Мы с ней легко общались. Не возникало неловкости в разговоре. Ты чувствовал в тех встречах-беседах, которые случались (их было не очень много), что человек разгадывает предмет, что он всегда заинтересован, что он может поддерживать с тобой диалог на каких-то особенных уровнях. Важно, чтобы собеседник был тебе интересен, чтобы он не просто кивал головой в ответ, формально соглашался с тобой, а чтобы был способен неожиданно вывести тебя (и себя) на какой-то парадокс, новую мысль о театральности. Она владела этим, потому что была одарена. «Интересно разговаривать» – такая же часть профессии, как «способность писать».

И конечно, она владела техникой анализа. Сужу по тем рецензиям, которые она писала на мои спектакли. Всегда подкупала ее серьезность и подлинность.

Мы сейчас живем в такое странное, и вместе с тем, понятное время (если брать общую картину) – время упадка профессии, несмотря на всю внешнюю бутафорию. Ориентиры в театре, в театральной критике размыты. Настоящая школа, система

В. Фокин

критериев, даже просто эмоциональная ответственность – все это уходит. Можно долго рассуждать по этому поводу, но мы видим, чувствуем, что поверхностное, развлекательное, удобное, коммерческое лезет вперед, и уже далеко залезло, и потому начинаются всякие игры, при которых явно зеленое выдают за белое или за красное. Как следствие, возникает тотальный цинизм, рождающий имитаторство. Это все смешно, с одной стороны, но, с другой, – такие правила возникли в нашей жизни. К сожалению. Это главная проблема сегодня.

И потому такие настоящие люди, как Наташа, важнее ныне во много крат. Я помню время, когда существовала обширная среда подлинных профессионалов, в которой было не один-два человека, а еще – второй, третий, четвертый, пятый. Казалось это норма. А сейчас думаешь, – считать-то больше некого.

Мне кажется, Наташа Казьмина была одарена еще и внутренним мужеством, которое необходимо для ее профессии, и ей по многим причинам было непросто существовать в сегодняшней среде.

Адольф ШАПИРО

Режиссер, народный артист Латвии

«ОТЧАЯННО ПОДБИРАЮ СЛОВА...»

Известие о несчастье застало далеко от Москвы.

Я не попрощался с Наташей Казьминой. Я не убедился в истинности случившегося. Поэтому отчаянно подбираю слова, стараясь избегать тех, которые ставят лицом к лицу с реальностью безвременного ухода удивительно красивого человека. Напрасное занятие. Горечь случившегося такой уловкой не заглушить.

Наташа ушла. Это правда.

Бег времени, все дальше удаляющий меня от того дня, когда стало известно об этом, ничего не изменил. Чем он стремительнее, тем больше осознаешь, что место, оставленное Наташей Казьминой в театральной критике и в пространстве моей жизни, так и

А. Шапиро

останется никем не занято. Как ни хочется, но с этим придется смириться. Смириться и благодарить жизнь за то, что было.

А что было? Вроде бы, так мало. Встречи от случая к случаю на каких-то спектаклях, по большей части, привозных. Короткий обмен словами и междометиями в антракте или после спектаклей, несколько посиделок на фестивальных ночных бдениях, какое-то интервью, одна долгая беседа (не помню в связи с чем) и множество мимолетностей. На бегу, на скаку, между прочим. Еще – изредка ночные телефонные звонки в связи с событиями, к которым трудно было остаться равнодушным, требующими участия, действия. В этих случаях голос Наташи для меня был особенно важен. Она обладала обостренным чувством справедливости. Подленько-объективные – «да, но...», «надо учесть», «стоит ли ввязываться», «само перемелется» – это не про Казьмину.

С годами, хотя и безуспешно, стараешься беречь время, ограничивать круг общения. Жизнь учит осторожно произносить слово «друг». Пожалуй, Наташа – одно из немногих моих приобретений за последнее десятилетие. Как же случилось, что она как-то незаметно вошла в мою жизнь? Об этом не задумываешься, когда все, как говорится, нормально. Но вот случается исключительно ненормальное, противоестественное, чертовски несправедливое – бац, и нет

Памяти Наташи Казьминой

Наташи, только что была и... пошла на спектакль и ушла из жизни – и то, что казалось, само собой разумеющимся, требует отчета. Надо отвечать – память обязывает.

То, как Наташа жила – писала, делала, говорила – вызывало доверие. Можно было бы подыскать более цветистые слова, но именно так – доверие. Нет, не полное согласие (этого еще не хватало!), а доверие к помыслам автора, к его полемическому задору, к особости и независимости суждений. В отличие от работ множества ее коллег, в которых без труда можно разглядеть вполне прозаические связи, так сказать, оценочные с житейскими соображениями, Наташу Казьмину вела беззаветная любовь к театру. В ней не было хитрованства. Того самого, без которого в нашей среде, не будешь всем мил и широко востребован.

Наташа, к этому, слава Богу, не стремилась. Похоже, ей вполне хватало радости, испытываемой от возможности размышлять и облекать в слова впечатления от спектаклей. Радости обнаружить в них то, в чем, возможно, и сами создатели их не отдавали себе отчета. Это ликование не смягчало резкости суждений критика, но давало перу свободу, легкость дыхания. Полетность, что ли. Без этой порывистости от самых мудрых и эрудированных рассуждений о театре, как правило, сводит скулы.

Меньше всего Наташа стремилась к выставлению оценок, того хуже – «даче советов». В ней не было претензии на место властителя дум, законодателя театральной моды, что (скажу по секрету) нас, режиссеров, больше всего бесит в театральной критике. Отсутствие менторства и предрешенности оценок, вызванных личными симпатиями–антипатиями, заставляло к ней прислушиваться.

Она относилась к спектаклю как к живому организму. Анализировала каждый момент его, словно живую клетку, в которой есть и ядро, и платоплазма. Как подлинного писателя (а Наташа, безусловно, принадлежала к редкому и, кажется, вымирающему племени театральных писателей) ее интересовала

природа явления, глубинная связь того, что происходит в театре и с его людьми, в связи с переменчивостью окружающего мира. Такой подход сулит долговечность трудам критика, а нас, склонных к эгоцентризму, подталкивает задуматься о том, как же мы выглядим со стороны. Режиссерам и актерам, испытывавшим при первом чтении статей Натальи Казьминой понятную досаду и раздражение, эти статьи, по-моему, принесли больше пользы, чем сонм хвалебных од. Они, конечно, не признаются, но подозреваю, – именно так.

Впрочем, подозреваю также, что найдется много желающих оспорить мое утверждение. Что же, это будет еще одно свидетельство того, что письмо Наташи не оставляло людей равнодушными. Потому что она была крайне субъективна. Ровно настолько, насколько может и должен быть субъективным критик, имеющий точное представление о том, в чем его предназначение.

Казьмина судила обо всем, не оглядываясь на других. Оберегала свою любовь к театру, не желая участвовать в цеховой групповухе. Даже заголовки ее статей были непредсказуемы, что уж говорить о текстах. Они были очень похожи на их автора.

В зрительном зале Наташа была серьезна и сосредоточена. Не искала союзников, ни с кем не переглядывалась и не перемигивалась, ни на ком не проверяла свои впечатления. И все-таки, по выражению ее лица, походке, можно было многое понять.

Когда она что-то не принимала, то не демонстрировала свою позицию, как свойство особо утонченной художественной природы, не кичилась своим особым мнением. В этих случаях становилась угрюмо-замкнутой или вела себя так, словно вообще ничего не видела, и говорила о вещах исключительно посторонних. Вроде того, что время позднее, надо бежать домашних кормить.

Когда же спектакль доставлял ей радость, Наташа не выговаривала ее в дежурных словах, а обретала, я бы сказал, шутливость.

Вообще она была какая-то большая и летучая, радушная и замкнутая, напряженная и свободная, контактная и, по-моему, очень

закрытая... В этой закрытости, нежелании обременять своими заботами других чувствовалась душевная тонкость, такт.

Я ничего не знаю о ее жизни, кроме того, что известно многим. Плюс какие-то наблюдения. Будь неладна электронная почта! Были письма, но стерты, стерты. Осталось: «Была в Таганроге в первый раз. Замечательно!». Пытаюсь представить смысл, заключенный в этом «замечательно». Вроде бы, ясно – что тут расшифровывать? – а вот не отпускает, тревожит, как оборванный на полуслове разговор о чем-то существенном.

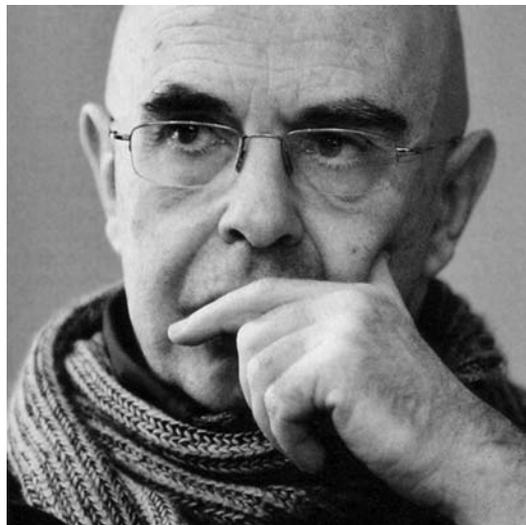
Да, я до обидного мало знаю о Казьминой, но достаточно, чтобы в полной мере ощутить невосполнимость утраты. Достаточно, чтобы сказать – ну, разве такой Наташе можно было не доверять?

С трудом подавляю желание еще и еще кружить вокруг этой темы. Но в дни катастрофического дефолта самых интимных понятий, когда, куда ни глянь – кругом одни «доверенные лица», это слишком рискованно. Думаю, Наташа бы меня поняла.

В ней бурлила энергия неприятия всего пошлого и суетного. Она была одним из тех редких людей, от которых не обидно было слышать правду. Великий дар, уникальный. С ним надо было не только родиться, но еще подтвердить его собственной жизнью.

Наташа Казьмина делала это каждый день, как мне представлялось, с легкостью. Но, вот, оказалось, – не так легко. Оказалось – груз, который она тянула, весьма тяжел. В наше время, отмеченное торжеством мнимых ценностей, быть искренней и независимой, – дело, требующее непомерных сил. Наташа тратила их щедро и талантливо, и я в оторопи от того, что упустил возможность сказать ей что-то ласковое, подбадривающее, сказать слова, которые раньше казались неуместными, для которых, казалось, еще найдется удобный повод. Удобный! Повод!

Теперь они, слова, – корявые, неточные, плохо укладываемые во фразы, – звучат как извинение за то, что не успел сделать вовремя. И пусть так звучат. В конце концов, извинение – это единственная не фальшивая форма прощания.

М. Левитин

Михаил ЛЕВИТИН

Художественный руководитель театра «Эрмитаж», народный артист России

«С НАШИМ ТЕАТРОМ ОНА БЫЛА ВСЕГДА...»

Не хочется писать о Наташе.

Не хочется, не хочется.

Слишком случайно ее исчезновение, ни душа, ни мысли не готовы.

С театром нашим она была всегда. Даже не работая в нем. Как, наверное, и с другими театрами, где существовала определенная, интересная ей режиссура. В чем–в чем, а в нашей профессии она разбиралась. У нее был дар отличать дурное от хорошего, очень принципиальный дар. А так как она была человеком глубоко этическим, как принято говорить «со своими убеждениями и правилами», то она себе и этому дару не изменяла.

Как она находила нас? Очень просто. Умела смотреть спектакли без учета собственных пристрастий, тем более пристрастий тусовочных. Никого не лоббировала, никого не выбирала, просто была чутка к настоящему театру. Переделать ее, сказав, что время изменилось, и тот театр не повторится, было совершенно невозможно, так как настоящий театр, с ее точки зрения, никогда не меняется.

Памяти Наташи Казьминой

С ней было почти не трудно. Если бы не обидчивость ее – вообще прекрасно. Но обидчивость входила в состав этой личности. Она хотела, чтобы ей отвечали взаимностью те, кого она искренне любит.

Чем был для нее тот театр, прежний, ее, наш театр? Он был театром хороших традиций, которых существует небольшое количество, так как разнообразие, с моей точки зрения, вредит искусству. Наташа была постоянно в своих пристрастиях и, мне кажется, понимала, о чем пишет.

Не знаю, были ли у нее ученики. У таких, как она, надо учиться театру. Думаю, что все-таки учеников не было. Дилетанты не хотят учиться, выскочки не хотят меняться. А она была скрупулезно, щепетильно точна.

Она была чуждая. Слава Богу, что я говорил ей об этом и при жизни. Такие у нее родители, такие дети. Она не могла быть другой.

Я не знаю, что такое «талант критика», я до сих пор не понимаю, как случайные люди получают право публично оценивать спектакли... почему-то по собственным законам или в отсутствии каких-либо законов вообще. Для меня критик – это человек, способный одной страницей текста передать «содержание искусства» в спектакле. Таких людей почти нет. Все любят себя в зеркале.

Наташа занималась нами, статьи, написанные ею про «Эрмитаж» в прошлые годы, до работы в нашем театре, были самыми понятными и убедительными из всех, что я читал. Если бы она отказалась от меня, я уверился бы, что изменился и обязательно к худшему.

Работать постоянно в театре она не хотела, хотя я предлагал ей все время. Ей нужна была какая-то дистанция, чтоб разглядеть, как все обстоит на самом деле. Пригласив ее работать, я потерял критика, но приобрел друга, с чем и пытался жить последние несколько лет.

Надеюсь, что пребывание в стенах театра «Эрмитаж» ничем не повредило ни ее творчеству, ни ее здоровью.

Все остальное случайно и необязательно – я говорю об ее уходе.

Д. Крымов

Дмитрий КРЫМОВ

Художественный руководитель Лаборатории в театре «Школа драматического искусства», режиссер, сценограф, профессор Российского университета театрального искусства – ГИТИС

УТРАЧЕННАЯ НОРМА

Когда Наташа Казьмина была жива, приходила к нам на спектакли, мы общались, то казалось, что так и надо. Когда она умерла, стало понятно, что эта «нормальная жизнь» прожита, в прошлом.

Когда такие люди есть рядом, когда они смотрят твои спектакли и с ними можно потом поговорить, – это кажется нормальным. Особость такого человека понимаешь, когда он перестает быть.

Сейчас задним числом я думаю, а в чем эта норма была?

Очень важно иметь вокруг театра людей, которым хочется показать свой спектакль... Вне работы мы с Наташей почти не общались, а когда общение все же случалось, то, всегда возникала какая-то спокойная и «нормальная» – что-то слишком часто я употребляю это слово – атмосфера общения.